

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ОСНОВНОГО ЗАКОНА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ

Часть 2*

канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ
(Полоцкий государственный университет)

В механизме воздействия конституции на общественные отношения показаны особенности ее специальных функций. Характеризуется политическая и идеологическая направленность основного закона. Учредительная функция представлена в регулятивно-статическом и регулятивно-динамическом аспекте. Как самостоятельная отмечена символическая функция, в связи с чем рассмотрен вопрос о государственной символике Беларуси эпохи суверенитета. Дается оценка воспитательного значения основного закона. Указаны общие черты организаторской, учредительной и легализационной функции. Информационное качество основного закона рассмотрено через его внешнеполитическую составляющую. Системообразующая и правоохранительная функции конституции представлены как важнейшие факторы обеспечения единства правовой системы. Делается вывод о невозможности составить исчерпывающий перечень функций основного закона.

Власть, принимающая конституцию, стремится создать для общества долговременный, прочный и приемлемый правопорядок. В таком случае *основной закон выполняет учредительную функцию*. Конституция как учредительный документ может исходить непосредственно от народа (прямое народовластие), монарха (октроированный характер) либо в результате народного представительства (парламентский принцип). Всё зависит от исторической традиции, правовой культуры, политической ситуации. Внешними причинами актуализации проблемы учреждения конституции могут являться революции (Франция 1789 года); устранение положения, когда конституции нет вообще (США 1787 года); возникновение новых государств (в 60–70-х годах десятки конституций были приняты во многих странах Азии и Африки в период борьбы с колониализмом и становления национальной государственности); замена старой конституции новой (Беларусь 1994 года).

Учредительная функция конституции заключается в признании и юридическом оформлении важнейших политических и социально-экономических институтов общества. Если же конституция появляется в результате коренных изменений в жизни общества (что чаще всего и происходит), то ей предназначено выступить политико-правовой основой его развития на следующем историческом этапе. В таком случае учредительные начала конституции проявляются по отношению к общественно-политической системе в целом (Беларусь 1994 года), а не к конкретным государственно-правовым институтам (Беларусь 1996 года).

В российской юриспруденции конституционный (т.е. учредительный) характер конституции признается Конституционным Судом Российской Федерации (см. Постановления от 18 июля 2003 г. № 13-П и 29 ноября 2006 г. № 9-П в комментариях С.Э. Несмеяновой [1]), который рассматривает учредительность в двух смыслах: *нормативном* и *политическом*. Этот подход поддержан в научной среде. В интерпретации Д.Г. Шустрова [2, с. 10] конституция образует основу законодательства и иного правотворчества – это *нормативно-учредительная функция конституции*. Являясь основой правопорядка, она учреждает правовую систему государства, а будучи иерархически вышестоящим актом, предписывает принятие, определяя конкретную форму и содержание, всех остальных (иерархически нижестоящих) актов правопорядка (Кельзен в чистом виде [3]. – А. П.). Устанавливая виды, юридическую силу, порядок принятия и отмены, иерархию нормативных правовых актов государства, определяя с различной степенью подробности их содержание, конституция выступает базовым (первичным) источником права. В политическом же смысле конституция «определяет организацию», то есть учреждает систему органов власти и порядок осуществления ими полномочий, – это *политико-учредительная функция основного закона*.

Как следует понимать термин «*учредительный*»? По мнению С.А. Авакьяна, «конституция *либо закрепляет то, что уже существует* как результат деяний людей, *либо создает предпосылки для новых общественных отношений*, созревших в обществе, но не могущих возникнуть без необходимой правовой базы, которая с принятием конституции и учреждается» [4, с. 138]. Получается, что учредительный характер конституции наиболее ярко иллюстрирует механизм воздействия двух важнейших функций права: *регулятивно-статической* и *регулятивно-динамической*.

* Часть 1 статьи опубликована в журнале «Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки». – 2015. – № 13. – С. 135–143.

В первом случае конституция (возьмём для примера Конституцию Беларуси 1994 года) юридически закрепляет, возводит в разряд чётко урегулированных те общественные отношения, которые представляют собой основу нормального, стабильного существования общества, соответствуют интересам большинства субъектов. Так, в 1994 году через Основной Закон были закреплены основы многоукладной экономики; многообразия форм собственности; политического и идеологического плюрализма; демократической избирательной системы; юридической защиты прав и свобод граждан; экологической безопасности и многое другое. Иными словами, Конституция 1994 года «законсервировала» основные социально-правовые ценности, которые уже имели место несколько лет в нашей стране. Российский автор В.Е. Чиркин в данном случае предпочитает говорить о стабилизационной функции конституции, поскольку «стабильность конституции обеспечивает и стабильность общественных отношений, которые она узаконивает» [5, с. 55]. Такой термин вполне уместен.

В данном контексте конституция действительно становится своеобразным стабилизационным механизмом, чему во многом способствует её «жесткий» характер (для изменений и дополнений существуют сложные процедуры, а некоторые принципиальные положения изменять вообще нельзя). Например, без изменения основного закона невозможно изменение основ конституционного строя. Лишь в таком случае можно говорить о регулятивно-динамической (развивающей) функции конституции, поскольку оформлена и функционирует устойчивая база правопорядка. Как пишет М.Н. Каратева, «учредительная функция конституции заключается в том, что именно закону такого порядка отведена роль вводить новые институты власти, призванные привести к позитивным переменам в обществе. Именно конституционная форма придает проводимым реформам легитимный характер» [6, с. 62]. Но, как мы знаем из истории, эпохи революций и появление новых государств не вписываются в такую канву рассуждений.

Регулятивно-динамическая функция конституции в её учредительном преломлении выражается в активном воздействии норм на динамику общественных процессов путём установления и оформления институтов, ранее не имевших места в государственно-правовой жизни страны. Здесь основной закон не только совмещает де-юре и де-факто, «фиксируя, упорядочивая, закрепляя и переводя общественные отношения в правовую форму, но также может создавать их заново, исполняя роль фактического и юридического учредителя» [7, с. 24]. Как верно отмечено [5, с. 55], конституция не программа, она закрепляет достигнутое, но вместе с тем не все общественные отношения, которые зафиксированы в ней, стали реальностью или развились в полной мере. Поэтому она отражает не только реалии, но и то, как должно быть, содержит определенные образцы, эталоны общественных отношений, то есть указывает перспективы развития, его проекции. Не подлежит сомнению, что в Преамбуле Конституции Беларуси содержатся четкие целевые установки нормативного характера.

В 1994 году многие институты появились только с включением в Конституцию соответствующих норм. Так, с принятием первой конституции суверенного белорусского государства были учреждены институт президентства, судебного конституционного контроля, контрольной палаты. Задача Конституции в том и состоит, чтобы в соответствии с возникающими общественно-политическими потребностями устанавливать новые формы, механизмы, учреждения. Конечно, все эти нововведения должны иметь необходимые экономические, идеологические, социальные и политические основания. По нашему мнению, установление как особый способ конституционного воздействия в наибольшей степени соответствует раскрытию учредительной функции конституции. История белорусского конституционализма XX века свидетельствует о том, что каждая конституция знаменовала новый этап в социально-политическом развитии и, соответственно, выполняла учредительную функцию.

Конституция 1919 года юридически закрепила образование белорусского квазигосударства в виде БССР. Она оформила завоевания большевистской революции 1917 года и зафиксировала переход политической власти в руки «рабочего класса и беднейшего крестьянства». Всебелорусскому съезду Советов вручалась верховная власть, а в период между съездами – Центральному Исполнительному Комитету (ЦИК), который объявлялся высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом. Функции правительства (Совет Народных Комиссаров Конституция не предусматривала) делегировались Большому Президиуму ЦИК. В качестве основной провозглашалась задача «полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма...». Так большевики юридически закрепили власть под вывеской «диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства». Однако, несмотря на все недостатки, пишет Т.И. Довнар, «першая Канстытуцыя замацавала стварэнне рэальнай беларускай саветаў дзяржавы, а самае галоўнае – яна надала легітымнасць факта абвешчання БССР 1 студзеня 1919 года» [8, с. 258].

С формально-правовой стороны Конституция БССР 1927 года также выполняла учредительную функцию. Закреплялся принцип всевластия советов, предусматривалось создание Совнаркома и исполнительных комитетов, устанавливались основы неравного и непрямого избирательного права, которое к тому же не было всеобщим (от выборов отстранялись 18 категорий граждан) и признавало открытое голосование. Как достоинство этой конституции можно рассматривать программу по проведению национальной политики, признание равноправными белорусского, еврейского, русского и польского языков с

определённым доминированием первого (белорусский язык указывался в качестве преимущественного для сношений между государственными, профессиональными, общественными учреждениями и организациями). В связи с образованием СССР Конституция БССР 1927 года делегировала Союзному центру целый ряд важнейших полномочий в области внутренней и внешней политики.

К 1937 году «сталинский социализм» был построен: проведены коллективизация и индустриализация, подавлены последние очаги сопротивления коммунистической диктатуре, развёрнута тотальная милитаризация всей страны, сформирован культ личности Сталина. Учредительная функция Конституции БССР 1937 года проявилась в закреплении основ судебной власти, демократизации избирательной системы, формальной фиксации основных прав и обязанностей граждан. Законодательная власть вручалась Верховному Совету БССР, а исполнительная – Совету Народных Комиссаров. В основных положениях Конституция БССР 1937 года копировала Сталинскую Конституцию 1936 года. Для этих конституций (как и конституций других республик в составе СССР) «характерно разительное несоответствие многих учредительных конституционно-правовых институтов и политической действительности. Конституции провозглашали власть трудящихся, демократические права и свободы граждан, хотя именно во время появления этих основных законов в стране творились массовое беззаконие и произвол» [4, с. 139]. Власть заявляла, что Конституция 1936 года – самая демократическая в мире, ее принятием сталинский режим хотел показать всему миру успехи и преимущества социалистического строя.

Учредительную функцию выполняла Конституция БССР 1978 года, созданная в полном соответствии с Союзной Конституцией «развитого социализма» 1977 года. Государство признавалось общенародным (идея диктатуры рабочих и крестьян утратила свой смысл), а общество пытались представить целостным, не раздираемым внутренними противоречиями организмом. Конституции СССР 1977 года и БССР 1978 года устанавливали рамки единой политической системы при конституционном закреплении КПСС как руководящей и направляющей силы советского общества. Некоторые изменения демократического характера коснулись второго раздела Конституции «Государство и личность» относительно регламентации прав, свобод и обязанностей граждан. В структуре государственных органов БССР существенных изменений не произошло. Практика реализации Конституции вновь подтвердила её декларативный и демагогический характер, невозможность выступать реально действующим юридическим документом. Но благодаря многочисленным изменениям и дополнениям конца 80-х и начала 90-х годов эта Конституция предварила принятие первой суверенной Конституции 1994 года, унеся с собой в историю идеологемы «зрелого и развитого социализма» брежневской эпохи политического и экономического застоя.

Учредительный характер Конституции 1994 года проявился по всем направлениям. Впервые Беларусь получила реальную возможность развиваться суверенным, демократическим, правовым, социальным государством. Закрепление идеологического и политического многообразия, верховенства права и закона, разделения властей, приоритета общепризнанных принципов международного права, равенства форм собственности и многие другие прогрессивные новеллы позволяют говорить о принятой Конституции как о судьбоносном документе для развития белорусской нации. Можно сказать, что Основной Закон 1994 года легализовал и придал законную силу целям и институтам, нормам и процедурам, согласно букве и духу которых должна осуществляться в Беларуси государственно-правовая, социально-экономическая, культурная политика. Но уже через два года вектор политических реформ повлек перестройку конституционной системы.

Государственно-правовая характеристика изменений, внесённых в текст Конституции по итогам событий 1996 года, позволяет усмотреть в них, безусловно, учредительные особенности. Они настолько серьёзны, что, по нашему мнению, документ 1996 года следует считать новым конституционным актом, а не исправленным и дополненным текстом 1994 года. Смена формы правления, отказ от принципа верховенства закона, придание русскому языку статуса государственного, учреждение двухпалатного Парламента, кардинальное перераспределение полномочий между высшими государственными органами и сам факт принятия Основного Закона через референдум не оставляют сомнений в том, что его вариант в редакции от 24 ноября 1996 года можно смело назвать новой Конституцией, хотя авторы изменений посчитали, что с политической точки зрения будет правильнее оставить год принятия 1994-й, что и было сделано.

В современном мире конституциям придаётся особая значимость, и во многих странах они приобретают статус символа. Ввиду того, что в правовом государстве конституции имеют ценность для каждого гражданина, государства и общества в целом, несут в себе особый смысл, это позволяет отметить *самостоятельную символическую функцию основного закона*. Не случайно день принятия конституции празднуется во всех странах и сопровождается демонстрацией государственной символики, её массовым тиражированием. Особенно ярко это проявляется в правовой культуре США, Франции, Германии. Например, в Соединённых Штатах дают клятву верности государственному флагу. Звучит это так: «Я клянусь в верности флагу Соединённых Штатов Америки и республике, которую он символизирует, одной нации под Богом, неделимой, со свободой и справедливостью для всех» (цит.: по [24, с. 41]).

Можно отметить и другую сторону данного явления. Многие конституции несут в себе указания на особый статус важнейших правовых символов. Так, в статье 19 Основного Закона Беларуси говорится о том, что «символами Республики Беларусь как суверенного государства являются её Государственный

флаг, Государственный герб и Государственный гимн». Они находятся под усиленной охраной со стороны государства. Описание государственных символов, в отличие от Конституции 1978 года, в Основном Законе Беларуси не дается. Имеется и специальный Закон от 26 мая 2012 года «Об официальных геральдических символах».

Для правильного толкования символов и грамотного их анализа используют знания вспомогательных исторических дисциплин: геральдики, вексиллологии, гимнологии, символики и эмблематики, сфрагистики, нумизматики, бонистики, фалеристики. История символики столь же давняя, как и история самого человечества. Во все времена государства стремились подчеркнуть свою самобытность и поэтому идентифицировали себя через различные отличительные знаки, именуемые символами. Принято считать, что государственная символика выражает систему политических, правовых, социальных и духовных ценностей общества, особенности его исторического и культурного развития, самобытность страны, суверенитет и место в мировом сообществе. Знать и понимать ее значение – долг гражданина.

Интересные публикации по символике государств появляются в специальных журналах «Гербовед» и «Вестник геральдиста». В Беларуси основная информация содержится в исторической литературе. Сложность в изучении символов состоит в том, что их необходимо исследовать как минимум по четырем позициям: традиции, мифологии, религии и науки. В некоторых российских вузах преподается курс «Государственная символика», например, на юридическом факультете Новгородского государственного университета имени Я. Мудрого [9, с. 149].

В Беларуси с момента принятия в 1990 году Декларации о государственном суверенитете действовало три варианта государственной символики (на символике времен БССР подробно останавливаться не будем). После того как на внеочередной пятой сессии Верховного Совета был принят Закон от 25 августа 1991 года «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета Республики Беларусь о государственном суверенитете Республики Беларусь», на шестой внеочередной сессии был решен вопрос об изменении названия республики и новых ее официальных символов – гербе и флаге. Так, законом от 19 сентября 1991 года БССР решено впредь называть «Республика Беларусь», а в сокращенных и составных названиях – «Беларусь».

Законом Республики Беларусь от 19 сентября 1991 года «О государственном гербе Республики Беларусь» было постановлено, что «Государственным гербом Республики Беларусь является древний белорусский герб «*Погоня*», представляющий собой изображение расположенного на красном фоне всадника белого цвета, обращенного в левую сторону, с поднятым мечом и щитом с крестом». Постановлением Президиума Верховного Совета Республики Беларусь от 4 октября 1991 года была образована комиссия для выработки эталона Государственного герба Республики Беларусь и Положения о гербе, образцов печатей Верховного Совета, его Президиума и нагрудного знака народного депутата Республики Беларусь. Председателем комиссии был избран О.А. Трусов, на тот момент заместитель председателя Комиссии Верховного Совета Республики Беларусь по образованию, культуре и сохранению исторического наследия. Кроме депутатов Верховного Совета в комиссию были привлечены известные белорусские ученые (Т.В. Габрусь, А.П. Грицкевич, М.Н. Сатолина, А.К. Титов, Г.В. Штыхов), а также художники, графики, дизайнеры (Л.Э. Бартлов, В.Я. Круковский, Е.С. Кулик, Н.Н. Купава, А.В. Сандригайло, С.В. Саркисов). 10 декабря 1991 года Верховный Совет утвердил эталон и Положение о Государственном гербе, а 19 марта 1992 года Совет Министров принял постановление по вопросам изготовления и использования изображения государственного герба Республики Беларусь.

Одновременно с гербом в эти же самые дни решался вопрос о государственном флаге Республики Беларусь. Согласно Закону 19 сентября 1991 года Верховный Совет постановил, что «государственный флаг Республики Беларусь представляет собой полотнище, которое состоит из трех горизонтально расположенных цветных полос равной ширины: верхней и нижней белого, а средней – красного цвета. Отношения ширины флага к его длине – 1:2». Постановлением Верховного Совета от 11 декабря 1991 года было утверждено Положение о Государственном флаге Республики Беларусь, которое уточняло, что «флаг крепится на древке (флагштоке), которое окрашивается в золотистый (охра) цвет. При церемониях и других торжественных мероприятиях государственный флаг Республики Беларусь используется с наконечником ромбовидной формы с изображением креста, аналогичным кресту на Государственном гербе Республики Беларусь. Наконечники изготавливаются из металла желтого цвета». 30 декабря 1991 года Постановлением Белстандарта был утвержден и введен в действие Стандарт Республики Беларусь о государственном флаге Республики Беларусь.

Вопрос о государственном гимне Верховным Советом не решался и поэтому действовал тот, который был утвержден в БССР в 1955 году (текст М. Климовича, музыка Н. Соколовского). В общем плане было намечено, что необходимо подготовить текст и музыку гимна Республики Беларусь, в которых нашли бы отражение извечное стремление белорусского народа к свободе и независимости, его приверженность идеалам гуманизма, добра и справедливости. В нынешнем гимне, отмечает И.И. Плехимович [23, с. 379], некоторым изменениям подвергся текст (эту работу выполнил поэт Владимир Каризно), а музыка осталась прежней. Государственный гимн, в отличие от флага и герба, имеет не-

сколько форм своего выражения: он может исполняться в вокальном, инструментальном или вокально-инструментальном вариантах.

Относительно новой государственной символики 1991 года дадим краткую историческую справку. Вот что сообщает Энциклопедический справочник «Беларусь» 1995 года [10, с. 547]:

“Пагоня” з’яўляецца старажытным беларускім гербам. Паходжанне “Пагоні” звязана са старажытна-славянскай ваеннай традыцыяй народнай пагоні ў эпоху родаплемяннога ладу, калі мужчыны, якія мелі права насіць зброю, у выпадку нападу праціўніка і захопу членаў абшчыны былі абавязаны кідацца ў пагоню, каб адбіць палон.

Замацаванне на землях Беларусі гэтай традыцыі звязана з войнамі суседніх народаў і княстваў у X–XVII стагоддзях. Ідэя абароны Бацькаўшчыны з цягам часу стала дзяржаўнай ідэалогіяй, пад уплывам еўрапейскай геральдыкі ўвасобілася ў графічны сімвал-герб “Пагоня”. Упершыню сімвал зафіксаваны як герб каля 1270 года ў Навагрудку. На чырвоным фоне фігура воіна ў шлеме на серабрыстым кані ў імклівай пагоні з узнятым над галавой мячом і шчытом, на якім намаляваны залацісты шасціканцовы крыж.

Паводле “Хронікі Быхаўца”, фігура конніка абазначае асобу вялікага князя, гатовага абараняць Бацькаўшчыну. Пячаткі з гербам “Пагоня” былі ў Навагрудскага князя Віцены (каля 1293), у полацкіх князёў (з 1330). Герб Вялікага Княства Літоўскага (з 1384), элемент герба польскіх каралёў (з канца XIV ст.), пазней – Рэчы Паспалітай.

“Пагоня” была на 30 (з 40) харугвах атрада ВКЛ у Грунвальдскай бітве 1410 года. У XVI стагоддзі выява “Пагоні” з’явілася на харугвах Берасцейскага, Мсціслаўскага, Мінскага, Віленскага і Навагрудскага ваяводстваў, Полацкага і Рэчыцкага паведаў. З 1652 года “Пагоня” – герб шэрагу беларускіх гарадоў. Напрыклад, выява “Пагоні” была на гербе Полацка 1781 года, на ротным Сцягу Беларускай гусарскай харугвы (XVIII ст.) і галаўных уборах воінаў Беларускага і Гродзенскага гусарскіх палкоў XIX стагоддзя. “Пагоня” была дзяржаўным гербам Беларускай Народнай Рэспублікі ў 1918 годзе, у 1919–20 гадах выкарыстоўвалася беларускімі вайсковымі фарміраваннямі ў Літве і Польшчы.

Об истории происхождения выбора цвета национальной символики в «Энциклопедии истории Беларуси. Т. 1» пишет профессор М.А. Ткачев [11, с. 392]:

«У адборы колераў для сімволікі, яе колернай гаме праявіліся нацыянальныя традыцыі і мастацкі густ нашых продкаў. Славяне асабліва шанавалі белы і чырвоны колеры, лічылі іх свяшчэннымі, гэта былі асноўныя колеры іх адзення. У белае адзенне з чырвоным поясам апраналіся старэйшыны плямен і язычніцкія першасвятары. Генетычныя вытокі любові славян да двух колераў схаваны ў глыбіні тысячагоддзяў, у часы індаеўрапейскай агульнасці, калі ў большасці плямен белы і чырвоны колеры абагаўляліся.

У хрысціянскія часы ў сувязі з далейшым духоўным развіццём грамадства сэнсавае значэнне белага і чырвонага колераў значна пашырылася. Белае стала сімвалізаваць знак добра, знак чысціні, крынічнай вады, шляхетнага серабра. Чырвонае стала знакам жыватворнага агню, сімвалам адвагі і ваяўнічасці, храбрасці, доблесці і праведнай крыві, пралітай за Айчыну. У найбольшай пашане ў продкаў беларусаў лічыўся пурпуровы колер. Пурпур сімвалізаваў лепшыя якасці мужчыны-воіна, а для князя быў знакам яго боскага паходжання. Адзенне пурпуровага колеру маглі насіць толькі князі і каралі. Па гэтай прычыне першыя сцягі правіцеляў зямель і княстваў мелі менавіта такі колер. Узнятыя сцягі паказвалі ўсяму войску, дзе знаходзіцца іх князь (кароль, правіцель), або ўвогуле, што ён прысутнічае на палі бою.

У пачатку XVI стагоддзя на Беларусі, як і па ўсёй Еўропе, сталі з’яўляцца сцягі, звязаныя сваімі колерамі з гербам дзяржавы. Паводле законаў геральдыкі асноўным колерам сцяга стаў колер беласнежнай коннай “Пагоні”. Пасярэдзіне палотнішча праходзіла гарызантальная пурпуровая паласа, якая адпавядала колеру геральдычнага шчыта. Так ўзнікла трохпалоснае спалучэнне – бел-чырвона-белага колераў.

Упершыню графічна зафіксаваны сцяжкі такога колеру ў конніцы ВКЛ, паказанай на палатне “Бітва пад Оршай у 1514 г.”, што захоўваецца ў Нацыянальным мастацкім музэі ў Варшаве. У гэты час з’явіўся і бела-чырвоны польскі сцяг. Пасля Люблінскай уніі 1569 года, калі стала складвацца федэратыўная дзяржава Рэч Паспалітая, якая аб’яднала Польскае Каралеўства і ВКЛ з адзіным каралём (ён жа адначасова і вялікі князь ВКЛ), пачаліся першыя спробы аб’яднаць абодва сцягі ў адзін, тым больш што ў аснове іх ляжалі аднолькавыя колеры – белы і чырвоны.

У 1605 годзе кароль Жыгімонт III Ваза ўжыў трохпалосны чырвона-бела-чырвоны сцяг, а крыху пазней з’явіўся бел-чырвона-бела-чырвоны сцяг як спроба аб’яднаць абодва сцягі членаў федэрацыі. Аднак такі сцяг не прыжыўся і дамінаваць стаў польскі сцяг. Ваяводства, утвораныя ў ВКЛ, у час адміністрацыйнай рэформы 1565–1566 гадоў (Берасцейскае, Віцебскае, Полацкае, Мінскае і інш.) мелі самастойныя сцягі-харугвы, на якіх была выява “Пагоні”. Беларускай ваенна-служылыя татары ў XVI–XVIII стагоддзях выстаўлялі войска пад уласнай харугвай бела-чырвона-белага колеру з выявай па цэнтры паўмесяца і зоркі. Мелі яны і свой воінскі сімвал – так званую татарскую “Пагоню”, дзе коннік замест мяча трымае лук, адсутнічае шчыт.

Праваслаўная рэлігія з часоў хрышчэння зямель Беларусі ашчадна ставілася да старадаўніх традыцый і сімвалаў, звязаных з воінскім служэннем, і ўсяляк іх асвятляла. У гадзіну цяжкіх выпрабаванняў

царква заўсёды была з народам, заклікаючы стаяць за радзіму і веру. Святары і манахі былі ў складзе дружын, натхняючы воінаў на праведную бітву, адпявалі загінуўшых, перавязвалі параненых, арганізавалі шпіталі, збіралі сродкі і правіянт для пацярпелых воінаў.

Лёс царквы шчыльна пераплёўся з лёсам і гісторыяй Беларусі, яе народам і нацыянальнымі сімваламі. Пра гэта сведчыць і бела-чырвона-белая стужка, уключаная ў камплект адзення царкоўных іерархаў. Яна трактуецца як знак патрыяршай улады, як сімвал настаўніцкай місіі Ісуса Хрыста на зямлі, перададзенай яго вучням, як вогненны след яго праведнага слова на бязгрэшнай чыста-белай душы верніка.

Адрадзіў нацыянальную сімваліку К. Каліноўскі ў час паўстання 1863–1864 гадоў. З канца XIX стагоддзя ў Пецярбургу дэмакратычная студэнцкая моладзь Беларусі і Літвы на сваіх культурна-асветных вечарынах выкарыстоўвала “Пагоню” і нацыянальны сцяг. Пасля рэвалюцыі 1917 года салдаты-беларусы 12-й дзеючай арміі насілі ўшытыя ў пятліцы шынелі бела-чырвона-белыя нацыянальныя стужкі.

Выкарыстоўвалася нацыянальная сімваліка на землях Заходняй Беларусі, уключаных у склад Польскай дзяржавы. Яе ва ўсе часы трымалася беларуская зарубежная эміграцыя. У БССР нацыянальная сімваліка не выкарыстоўвалася да 1990 года”».

Рассмотренная национальная символика просуществовала в качестве государственной с 1991 по 1995 год. По инициативе Президента А.Г. Лукашенко 14 мая 1995 года состоялся республиканский референдум, на котором среди четырех вопросов был и такой: «Поддерживаете ли Вы предложение об установлении новых Государственного флага и Государственного герба Республики Беларусь?». По итогам голосования Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов сообщила следующие результаты: за одобрение вопроса проголосовали 3 622 851 избирателя, или 75,1%; против проголосовали 988 839 избирателя, или 20,5%; 24 792 бюллетеня признаны недействительными.

По итогам референдума А.Г. Лукашенко Указом от 7 июня 1995 года № 213 утвердил эталон Государственного герба Республики Беларусь и Положением о государственном гербе Республики Беларусь, и Указом № 213 от того же числа – Положение о Государственном флаге Республики Беларусь. Правительством 7 августа 1995 года были утверждены Правила применения Положения о Государственном флаге Республики Беларусь, в которых, например, говорится о том, что «продажа Государственного флага Республики Беларусь допускается в предприятиях торговли независимо от форм собственности, способных обеспечить условия, гарантирующие надлежащее ему почтение» (п. 2). В этот же день Кабинет Министров (так тогда называлось Правительство) принял постановление «Об изготовлении и использовании изображения государственного герба Республики Беларусь» и утвердил Положение о порядке изготовления изображения Государственного герба Республики Беларусь и его массового тиражирования и Положение о порядке изготовления, использования, хранения и уничтожения печатей с изображением Государственного герба Республики Беларусь. 14 ноября 1995 года Президент подписал Указ «О некоторых мерах по обеспечению статуса государственной символика».

5 июля 2004 года Национальным собранием был принят Закон «О государственных символах Республики Беларусь» [12], который направлен на правовое регулирование вопросов государственных символов Республики Беларусь и определяет описание и порядок их использования.

Государственный флаг Республики Беларусь представляет собой прямоугольное полотнище, состоящее из двух горизонтальных цветных полос: верхней – красного цвета, нижней – зеленого. Отношение ширины полос красного и зеленого цвета – 2:1. Отношение ширины Государственного флага Республики Беларусь к его длине – 1:2. У древка вертикально расположен белорусский национальный орнамент красного цвета на белом поле, составляющем 1/9 длины Государственного флага Республики Беларусь. Государственный флаг Республики Беларусь крепится на древке (флагштоке), которое окрашивается в золотистый (охра) цвет. Отношение ширины Государственного флага Республики Беларусь к длине древка – 1:3.

Поскольку официальные символы олицетворяют государственность Республики Беларусь, надругательство над ними является и надругательством над самим государством. В связи с этим по Уголовному кодексу Республики Беларусь такие действия считаются преступлением против государства и порядка осуществления власти и управления (Раздел XIII Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Статья 370 Уголовного кодекса называется «Надругательство над *государственными символами*», к которым относят государственные герб, флаг и гимн (в Российской Федерации, например, надругательство над гимном не считается преступлением). Объект – авторитет Республики Беларусь, а предмет – государственные герб, флаг и гимн. Объективная сторона представляет собой действие, то есть надругательство над государственными символами – публичное осквернение государственных символов, глумление над ними (нанесение оскверняющих надписей, знаков; топтание; повреждение или уничтожение (например, сжигание); воспроизведение измененных, оскорбительных по содержанию мелодии или текста Государственного гимна и т.п.). Субъект – общий, 16 лет. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, то есть лицо *сознавало*, что его действия представляют собой надругательство над государственными символами Республики Беларусь, и *желало* их совершить.

При вопросах квалификации следует иметь в виду, что завладение Государственным флагом Республики с корыстной целью без надругательства должно квалифицироваться как хищение. Надругательство над государственными символами посредством их уничтожения или повреждения, совершенное в процессе хулиганских действий, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных статьёй 370 «Надругательство над государственными символами» и статьёй 339 «Хулиганство». Если же публичные призывы к свержению или изменению конституционного строя Республики Беларусь сопровождались надругательством над государственными символами, действия виновного должны квалифицироваться по статье 361 «Призывы к свержению или изменению конституционного строя Республики Беларусь или к совершению преступлений против государства» и статьёй 370 «Надругательство над государственными символами».

Государственные символы Республики Беларусь наряду с различными официальными документами (законами, судебными решениями и т.п.) не являются объектами авторского права и, следовательно, охраны по авторскому праву не получают. В принципе, как отмечает А.Л. Васильев [9, с. 151], государственные символы являются творческими произведениями и авторы некоторых из них известны. В этом смысле государственные символы ничем не отличаются от обычных произведений, охраняемых авторским правом. Однако как только данное произведение в результате его официального принятия (утверждения) получает статус официального государственного символа, оно изменяет свой правовой режим.

Воспитательная функция конституции наиболее тесно перекликается с её идеологической характеристикой и рассмотренной символической функцией. В правовом государстве конституция выступает важнейшим самостоятельным фактором духовной жизни страны, что уже предполагает её ориентационно-воспитательный эффект в жизни общества. А если основной закон в реальности является актом прямого действия, важнейшим элементом юридической практики, то он непременно оказывает воспитывающее воздействие на поведение субъектов через конкретные нормы, институты, механизмы. Конституция должна служить основой высокого правосознания, формировать стимулы правомерного поведения у граждан. В современных демократических конституциях выражаются передовые, гуманные, соответствующие интересам личности и общества предписания, они получают морально-психологическую поддержку со стороны населения, претворяются в повседневной жизни.

Если же основной закон содержит положения, не отражающие желания и настроения людей, то его ожидает негативная оценка и поддержки общества он не получит. Но может быть и так, что конституция являет собой лишь декоративный и красивый фасад, за которым на практике скрываются беззаконие и произвол (достаточно вспомнить «Сталинскую» Конституцию СССР 1936 года). Такая ситуация самая удручающая. Понятно, что во всех рассмотренных случаях воспитательная функция конституции сходит на нет и никогда не достигнет своей цели. Как пишет И.И. Пляхимович, «хорошо, когда высшая юридическая сила конституции дополняется её моральной силой. Конституция должна быть честной» [13, с. 842]. Кстати, этот фразеологизм ранее в юридическом лексиконе не использовался.

В конечном счете, социальная ценность конституции для индивидов определяется тем, насколько эффективно она способствует созданию условий для справедливой жизни сообщества, всестороннему и свободному развитию человека. Иной путь неизбежно ведёт к правовому нигилизму, стремлению людей решать возникающие проблемы внеправовыми средствами. Важно, чтобы ценностное отношение (как основа воспитательной политики) к конституции приобретало регулятивное значение в силу того, что оценка перерастает в жизненные установки и правила поведения людей. По мнению В.О. Лучина [14, с. 45], ценностно-положительное отношение к конституции – один из основных мотивов соблюдения её норм, а осознание социальной ценности основного закона может выступать существенным стимулом и резервом совершенствования механизма его реализации и укрепления законности. Не случайно автор с аксиологических позиций характеризует такой аспект воздействия конституции на поведение человека, который связан с формированием его мировоззрения, убеждений, жизненных ориентаций и установок, чувств и эмоций.

Многие положения Конституции Беларуси несут в себе позитивное воспитательное воздействие, утверждая принципы демократии, законности, гуманизма и справедливости, взаимного уважения, долга и ответственности во взаимоотношениях личности, общества, государства (ст. 2, 3, 7, 10, 12, 21, 27, 42 Основного Закона). Но воспитательный эффект для граждан будет достигнут лишь при безусловной реализации на практике этих конституционных установок, прежде всего со стороны власти.

В качестве самостоятельной С.А. Авакьяном рассматривается *организаторская функция конституции*: «...она не только оформляет достигнутое и ставит новые задачи перед обществом и государством, но и стимулирует политическую активность, нацеливает государственные органы и общественные объединения, всех граждан на деятельность в духе нового основного закона. [...] Кроме того, конституция является документом прямого действия – это зачастую подчёркивается в самом её тексте, а организующее начало состоит в том, что многие общественные отношения могут возникать непосредственно на базе Конституции» [4, с. 141]. В то же время В.Е. Чиркин в данном случае предпочитает говорить о *юридически базовой функции* конституции: «Положения основного закона являются исходными для принятия новых законов, развивающих конституционные принципы. Он служит ориентацией для правоприме-

нительной практики, а в случае пробелов, противоречий или неясностей в законодательстве может непосредственно применяться судами и другими органами государства. Положение о том, что конституция является непосредственно действующим правом, имеет «прямое действие», есть и в Конституции Российской Федерации 1993 года [5, с. 54]. Небольшое уточнение: *во-первых*, конституционная терминология России не знает категории «основного закона»; *во-вторых*, нигде нормативно не закреплено положение о конституции как о «непосредственно действующем праве»; *в-третьих*, скорее здесь речь идет не о функции, а о юридических свойствах конституции, что не одно и то же.

Представляется, что подробная характеристика организаторской функции будет излишней, она во многом «накладывается» на учредительную функцию конституции, анализу которой было уделено достаточно внимания (хотя С.А. Авакьян считает учредительную и организаторскую функции конституции самостоятельными проявлениями её назначения, о чём см. [4, с. 138]). Впрочем, и М.Н. Каратеева [6, с. 69] рассматривает данную функцию в качестве самостоятельной. Во многом созвучно организаторской функции её «развивающее» начало, когда конституция устанавливает основы для развития новых институтов, о чём пишут Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин: «Она даёт «проекцию» новым явлениям, а нередко и прямо указывает (обычно в заключительных и переходных положениях) сроки, когда должны быть созданы определённые органы государства, принято необходимое законодательство и т.д. На основе конституции совершается «достройка» тех порядков, которые легализованы ею» [15, с. 61]. Все это – из области рассуждений о регулятивно-динамической составляющей основного закона.

Ввиду того, что юридические нормы проецируются не только на настоящее, но и на будущее (возможное) поведение, конституцию следует рассматривать как «высший политико-правовой ориентир развития общества и государства, средство и способ социальной ориентации» [14, с. 37]. В таком случае организующие, созидательные, стимулирующие свойства основного закона проявляются в полной мере. Программно-целевые положения конституции образуют своеобразную нормативную модель идеального образа действительности и ориентируют субъектов на их достижение. Например, организаторская функция Конституции Беларуси проявляется в том, что она нацеливает на деловую активность человека, его общественную и политическую деятельность, государство – следовать принципу верховенства права и уважения прав личности, иностранцев – чтить культуру, язык, традиции белорусского народа. Но одних призывов выполнять и претворять Конституцию в жизнь недостаточно. Очень важно, чтобы были предусмотрены и эффективно действовали конституционные и иные механизмы, позволяющие ставить и решать новые задачи перед обществом и государством.

Но здесь существуют вполне серьёзные проблемы. Очевидное доминирование государственной формы собственности не способствует добросовестной конкуренции и развитию многоукладной экономики; «патерналистский» стиль управления «замораживает» политическую активность и общественные инициативы; отход от классической модели разделения властей не позволяет в полной мере реализовать идею народного представительства; отсутствие в правовом механизме института конституционной жалобы значительно снижает эффективность юридической защиты прав и свобод граждан; слабая интегрированность в европейское политическое, экономическое и правовое пространство не позволяет обеспечить столь нужный для страны приток иностранных инвестиций и т.п. Но все эти проблемы могут и должны быть решены, а Конституция в этом отношении должна выступить базовой нормативной моделью социального, демократического прогресса белорусского общества и государства.

Отличительной чертой современных конституций является включение в их тексты многочисленных положений о внешней политике и обороне, различных аспектах взаимодействия национального и международного права. Это позволяет говорить о *внешнеполитической функции конституции*. Белорусский Основной Закон не является исключением. Например, «Народ Беларуси [...] сознаёт себя полноправным субъектом мирового сообщества и подтверждает свою приверженность общечеловеческим ценностям ...» (Преамбула Конституции); «Республика Беларусь [...] самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику» (статья 1), но «... признаёт приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства» (статья 8); наша страна «... может предоставлять право убежища лицам, преследуемым в других государствах за политические, религиозные убеждения или национальную принадлежность» (статья 12), а «в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права» и «ставит своей целью сделать свою территорию безъядерной зоной, а государство – нейтральным» (статья 18); «Каждый вправе в соответствии с международно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь, обращаться в международные организации с целью защиты прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» (статья 61). И так далее по всему тексту.

В Конституции Беларуси нет особой главы, где отражены международные и иные внешнеполитические аспекты деятельности государства, что характерно для некоторых зарубежных конституций. Там повествуется о современных интеграционных процессах, в связи с чем появляются специальные разделы,

содержащие положения о региональных объединениях государств. Так, в 1992 году в связи с принятием Маастрихтских соглашений Конституция Франции пополнилась Разделом XV «О Европейских сообществах и Европейском союзе» [16, с. 132], а В.Е. Чиркин [17, с. 74] отмечает, что в конституциях некоторых африканских государств имеется раздел об африканском единстве (Буркина-Фасо, Мали). Интересна в этом плане Преамбула Конституции Японии 1946 года [16, с. 441].

При характеристике внешнеполитической функции конституции следует учитывать тот факт, «что и за пределами государства она является важным информационным источником» [4, с. 142]. Это замечание С.А. Авакьяна вполне можно соотносить с информационной функцией, которую учёный не выделяет в качестве самостоятельной. Если же информационное качество основного закона рассматривать через призму внешнеполитической функции, следует согласиться с такой точкой зрения.

Действительно, конституция даёт представление об общественно-политическом строе, структуре государства, статусе личности, территориальном устройстве гражданам других стран, государствам и международным организациям. Хотя, если основной закон является не реальным, а фиктивным актом, ни о какой демократии и правовом государстве не может быть и речи, а сторонний читатель будет попросту введён в заблуждение. Это характерно для всего постсоветского пространства. Здесь не следует, однако, соотносить сказанное с теми ситуациями, когда во многих конституциях есть нормы, на практике не применяемые (например, право «абсолютного вето» не использовалось английскими монархами с 1708 года). Это объяснимые анахронизмы, свойственные многим «старым» конституционным актам. Но даже если между конституционными декларациями и практикой имеется очевидный разрыв, без изучения текста конституции понять сущность государства вообще невозможно.

При принятии конституции происходит верховная легализация основ существующего общественно-го и государственного строя, сложившегося порядка. Следовательно, можно говорить о *легализационной функции основного закона*. Детальное разъяснение по этому поводу дано Т.Я. Хабриевой и В.Е. Чиркиным [15, с. 60]. С точки зрения авторов, не имеет значения, принята «хорошая» или «плохая» конституция, очень демократическая или крайне тоталитарная. Любая из них выполняет функцию придания высшей законности (в форме конституционности) тому общественному и государственному строю, основы которого возникают до конституции или уже существуют пусть даже в неразвитом виде. Особенно это касается конституций, принимаемых в результате революционных событий, изменяющих прежние порядки: «В этом случае конституция выполняет, “доделывает” и разрушительные задачи, и задачи узаконения нового порядка. Но и в том случае, когда этого нет, конституция выполняет задачи верховной легализации тех изменений, которые произошли и вызывают к жизни новую конституцию» [15, с. 61]. Указанные учёные не рассматривают в качестве самостоятельной учредительную функцию конституции, но предложенная трактовка «легализации» очень ей созвучна.

Однако в более поздней монографии (2014 г.) В.Е. Чиркин подробно останавливается на характеристиках учредительной функции, а в отношении легализационной функции пишет следующее: «...[Она] заключается в юридическом узаконении нового строя, новых структур, органов управления и т.д. Такое узаконение, совершаемое документом, имеющим высшую юридическую силу, приобретает особенно авторитетное значение. Легализация нередко, хотя и не всегда, совпадает с легитимацией нового строя. Хотя оба эти слова имеют один латинский корень (от слова «lex» – закон), эти явления следует различать. Легализация – юридическое узаконение, легитимация – одобрение или признание населением нового строя, новых порядков оправданными, справедливыми» [5, с. 54]. Углубляться в эту проблему не будем, о ней сказано отдельно (см. [18]).

Любая современная конституция должна обеспечить единство правовой системы, и не случайно такое значение придаётся деятельности органов конституционного контроля, которые призваны не допустить появления в государстве нормативных актов, не соответствующих основному закону. В противном случае конституция не сможет осуществлять *системообразующую функцию*, служить своеобразным эпицентром развития законодательства. Изучение такой функции мыслимо лишь в привязке к системе конституционных принципов. (О них см. [19; 20]). Статика и динамика конституции – две стороны одной медали.

Конституционное упорядочение системы законодательства в государстве позволяет видеть в конституции организующее звено, стержень правового развития. В демократическом и правовом государстве «системообразующая роль Конституции возрастает, и эта тенденция имеет объективные основания: усиливается потребность в использовании права как регулятора общественных отношений, вследствие чего растёт число принимаемых законодательных актов, появляются новые отрасли права» [14, с. 42]. В частности, Конституция Беларуси формирует важнейшие требования к содержанию, организации и методам регулирования отдельных отраслей права, например: уголовного права и процесса (ст. 24, 26, 27, 60, 110, 112, 115); гражданского права (ст. 13, 44); брачно-семейного (ст. 32); трудового права (ст. 14, 39, 41–43).

Через эти конституционные положения прямо либо опосредованно связаны нормы важнейших отраслей права, что приводит их к своеобразной «конституционализации». Значение системообразующей функции проявляется и в решении вопросов о соотношении белорусского и международного права (ст. 8, 11, 18, 116). Процессы интеграции и дифференциации отраслей права разворачиваются, таким образом,

на основе и под воздействием Конституции, представляющей в данном случае воплощение важнейших принципов и признаков правовой системы. Такое понимание места и роли Основного Закона в правовой системе наиболее полно проявляется в рамках именно системообразующей функции, при которой Конституция вовлекает в свою орбиту важнейшие отрасли права, обеспечивая их концептуальное единство.

Конституции как важнейшему юридическому документу свойственна *правоохранительная функция* (регулятивные свойства основного закона нами рассматривались в рамках иных функций). По мнению В.О. Лучина, «в широком смысле охранительная функция реализуется Конституцией в целом, а в узком – через содержащиеся в ней специализированные нормы либо их структурные элементы» [14, с. 37]. В тексте Основного Закона содержится множество упоминаний о разного рода запретах (ст. 5, 8, 10, 16, 23) и конституционно-правовых санкциях (ст. 3, 7, 59, 84, 88, 98, 116, 123). Недвусмысленно Конституция определяет охраняемые и защищаемые ею объекты (личность, территория, природные ресурсы). Наиболее отчетливо охранительная функция проявляется в установлении верховенства Основного Закона в системе нормативных актов, где особая роль принадлежит специализированному органу судебного конституционного контроля – Конституционному Суду Республики Беларусь. В большинстве европейских государств их заслуженно именуют «стражами» конституции. Российский автор Е.Ю. Бархатова в принятии Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» 1994 года усмотрела «необходимый кирпичик в фундаменте правового государства» [21, с. 4]. Ученый отмечает, что он состоялся в соответствии с *законотворческой функцией* Конституции. Увы, из одного кирпичика фундамента никому возвести не удавалось, и по сей день Конституционный Суд – редкое позитивное исключение в государственно-правовой системе Российской Федерации.

Не следует рассматривать приведённый перечень функций как бесспорный и исчерпывающий. Вариации названий могут быть самыми разными: «*правоустановительная*» у К.В. Каргина [22, с. 55]; «*правонаделительная*» рассматривается В.О. Лучиным [14, с. 36] и А.В. Петровой [7, с. 24]; непосредственно «*юридическую*» характеризует С.А. Авакьян [4, с. 144]; о «*развивающей*» и «*стабилизационной*» пишут Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин [15, с. 61], а М.Н. Каратеева [6, с. 15] – о «*гарантирующей*». Список можно продолжать, но общая картина понятна.

Заключение. Отличия меньше всего касаются содержательных аспектов проблемы. Это, по нашему мнению, стало возможно вследствие недостаточно чёткого различения функций самой конституции и функций её норм, а также удвоения отдельных функций за счёт их различного наименования. К тому же обосновывать функцию следует с учётом конкретных исторических условий и всех тех факторов, которые оказывают на неё прямое и непосредственное воздействие, что не всегда прослеживается. Не уделяется должного внимания проблеме влияния функций конституции на её форму, структуру и содержание, а ведь между этими параметрами основного закона имеется прямая и закономерная связь. Но все правоведы едины во мнении, что именно функциональный метод позволяет наиболее точно оценить конституцию с точки зрения её юридической и социальной эффективности, определить её важнейшие характеристики с позиций сегодняшнего дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Несмеянова, С.Э. Судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации с комментариями / С.Э. Несмеянова. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 480 с.
2. Шустров, Д.Г. Учредительная функция конституции / Д.Г. Шустров // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 9. – С. 10–16.
3. Кельзен, Г. Чистое учение о праве Ганса Кельзена / Г. Кельзен. Вып. 1. – М.: Акад. наук СССР. – 1987. – 195 с.
4. Авакьян, С.А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. / С.А. Авакьян. – М.: Юрист, 2005. – Т. 1. – 719 с.
5. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 656 с.
6. Каратеева, М.Н. Гарантирующая функция Конституции Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / М.Н. Каратеева; Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2005. – 186 л.
7. Петрова, А.В. Функции Конституции России (понятие и виды) / А.В. Петрова // Закон и право. – 2003. – № 6. – С. 22–27.
8. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: падручнік / Т.І. Доўнар. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2014. – 416 с.
9. Васильев, А.Л. О преподавании курса «Государственная символика» / А.Л. Васильев // Правовед: сб. науч. тр. – НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2003. – Вып. 4. – С. 149–157.
10. Беларусь: Энцыкл. даведнік / Беларус. Энцыкл.; рэд. калегія: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1995. – 800 с.

11. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Беларус. Энцикл.; рэдкал.: М.В. Біч [і інш.]; прадам. М. Ткачова; маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск: БелЭн, 1993. – Т. 1: А–Беліца. – 494 с.
12. О государственных символах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 5 июля 2004 г., с изм. и доп. от 9 июля 2007 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 111. – 2/1050.
13. Пляхимович, И.И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь: в 2 т. / И.И. Пляхимович. Т. 2. – Минск: Амалфея, 2015. – 984 с.
14. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.
15. Хабриева, Т.Я. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2005. – 320 с.
16. Конституции зарубежных государств / сост. проф. В.В. Маклаков. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: БЕК, 1999. – 584 с.
17. Сравнительное конституционное право: учеб. пособие / отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 448 с.
18. Пугачёв А.Н. Разработка конституции в контексте проблемы её легализации и легитимации / А.Н. Пугачёв // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2014. – № 13. – С. 132–146.
19. Пугачёв А.Н. Конституционные принципы и принципы конституции: методологические проблемы различения правовых явлений / А.Н. Пугачёв. Ч. 1 // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2014. – № 13. – С. 109–119.
20. Пугачёв А.Н. Конституционные принципы и принципы конституции: методологические проблемы различения правовых явлений / А.Н. Пугачёв. Ч. 2 // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. – 2014. – № 14. – С. 32–47.
21. Бархатова, Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Е.Ю. Бархатова. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 256 с.
22. Каргин, К.В. Юридические документы / К.В. Каргин; науч. ред. В.А. Толстик. – М.: Юристь, 2008. – 191 с.
23. Пляхимович, И.И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь: в 2 т. Т. 1 / И. И. Пляхимович. – Минск: Амалфея, 2015. – 1224 с.
24. Кампфнер, Дж. Свобода на продажу: как мы разбогатели – и лишились независимости / Джон Кампфнер; пер. с англ. Станислава Львовского. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 414 с.

Поступила 08.04.2015

THE CONSTITUTIONAL SPECIAL FUNCTIONS SUCH AS DISPLAY OF INDIVIDUALITY WITHIN THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL DEVELOPMENT

A. PUGACHEV

The features of constitutional special functions in the mechanism of impact of the constitution on the public relations are shown. The political and ideological orientations of the basic law are characterized. Constituent function in static and dynamic aspects is presented. The assessment of educational value of the constitution is given. Common features of organizing, constituent functions are specified. Information quality of the basic law is considered through its foreign policy component. Backbone and law-enforcement functions of the constitution are presented as the most important factors of ensuring unity of legal system. A conclusion about the impossibility to make the exhaustive list of functions of the basic law is drawn.